

СЕРГЕЙ АЛЁШИН

ОФИС

Сергей Алёшин

Офис

«Автор»

2026

Алёшин С.

Офис / С. Алёшин — «Автор», 2026

Алине двадцать три. После университета она устраивается в логистическую компанию небольшого южного города. Сначала всё кажется обычным: смены, срочные задачи, сложные клиенты и новые коллеги. Но стоит Алине по-настоящему расслабиться и вместе с ней замедляется целый отдел. Чужой страх становится её собственным, взгляд соединяет сильнее прикосновения, а мысли иногда звучат раньше, чем люди успевают открыть рот. Офис замечает её способности раньше неё самой. Он создаёт испытания, меняет привычные правила и словно учится вместе с Алиной. Но чем сильнее становится её влияние, тем труднее понять, кто кем управляет — она Офисом или Офис ею. Чтобы не превратить окружающих в послушные части системы, Алине придётся найти границу между помощью и контролем, близостью и потерей себя.

© Алёшин С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Сергей Алёшин

Офис

Пролог

Но иногда человек может соврать.

Эту строку я написала сама.

Я помнила движение руки, шорох бумаги и точку в конце предложения. Не помнила только, чтобы эта мысль приходила мне в голову.

Почерк был мой.

Мысль — нет.

Всё началось несколькими часами раньше — с человека, которого я почти не знала.

В тот день к нашей группе перевели Павла из недавно расформированной ночной группы контроля маршрутов. Мы встречались раньше, но почти не разговаривали.

Он путал вкладки и открывал старые инструкции.

К середине дня он вернул в очередь уже закрытое обращение.

— Почему ты не добавил подтверждение? — спросила Яна.

— Его не было.

Она открыла вложение.

— Вот оно. На второй странице.

Павел пожал плечами, и во мне возникло раздражение. Обычное, почти оправданное. Из тех чувств, которые появляются раньше мысли, а затем быстро находят для себя объяснение.

Наверное, он всегда работал так.

Кто-то исправлял за ним ошибки, поэтому ему не приходилось учиться. В школе он списывал. На прежней работе перекладывал ответственность. Это место он получил не потому, что подходил, а потому, что за него попросили.

История сложилась сама.

В ней не было ни одного факта — и не осталось ни одного пробела.

Павел снова открыл обращение.

— Я в школе постоянно списывал, — сказал он. — Наверное, поэтому сейчас не умею читать инструкции.

Яна рассмеялась.

Я нет.

Он повторил мою мысль почти дословно.

— Почему ты это сказал?

— Что?

— Про школу.

Павел задумался.

— Не знаю. Вспомнилось.

— Ты действительно списывал?

— Наверное. Все списывали.

Неуверенность появилась после воспоминания, а не до него.

Я попыталась сосредоточиться на работе, но история о Павле продолжала достраиваться где-то на краю внимания. Я представила звонок влиятельному знакомому, разговор с руководителем, чужую просьбу устроить его на новое место.

Через несколько минут менеджер позвал Павла, чтобы проверить обстоятельства его перевода.

Это могло быть совпадением.

Но совпадение уже знало подробности, которых я никому не рассказывала.

Люди вокруг начали смотреть на Павла иначе. Его ошибки перестали быть ошибками новичка. Теперь каждая из них подтверждала, что он оказался здесь не по праву.

Я почувствовала, как придуманная мною версия становится общей.

А затем — настоящей.

— Остановите проверку, — сказала я.

Менеджер посмотрел на меня с недоумением.

— На каком основании?

— Я это придумала.

Яна улыбнулась, ожидая продолжения шутки. Павел решил, что я в чём-то признаюсь. Только Дэн поднял голову и посмотрел на меня так, будто понял больше остальных.

— Что именно? — спросил менеджер.

Я не могла ответить. Любое объяснение стало бы ещё одной историей. А я уже не знала, где заканчиваются мои предположения и начинается то, во что поверят другие.

Я заставила себя замолчать.

Потом повернулась к Павлу.

— Почему тебя перевели?

Он рассказал о пропущенном изменении маршрута и о группе, которую после этого расформировали. Показал инструкцию, присланную ему накануне.

Она оказалась устаревшей.

Нашлось простое объяснение. Настоящее — или хотя бы такое, которое существовало до моих мыслей.

Проверку отменили.

Но не всё вернулось обратно.

До конца дня Павел ещё дважды рассказывал, как списывал в школе. Сначала вспомнил имя одноклассника. Потом — учительницу с красной ручкой. Каждый раз воспоминание становилось подробнее.

— Это действительно было? — спросила я, когда мы остались вдвоём возле принтера.

— Наверное.

— Ты опять говоришь «наверное».

Он нахмурился.

— Я вижу кабинет. Лист перед собой. Даже ручку помню. Но не могу вспомнить, какой был предмет.

— Не пытайся.

Павел посмотрел на меня с облегчением, словно разрешение забыть оказалось важнее самого воспоминания.

Вечером Дэн задержался у моего стола.

— Ты сегодня снова это сделала? — спросил он.

— Не знаю, что именно я сделала.

— Но ты почувствовала, что происходит.

— Слишком поздно.

Он помолчал.

— А что, если твоя версия всё-таки была правдой?

— Я не знала всей истории.

— Но от этого она не становится ложью.

— И правдой не становится. Несколько совпавших деталей — ещё не вся история.

Когда он ушёл, я открыла блокнот и записала:

Если не знаешь контекста — спроси. Не додумывай за человека его историю.

Ручка задержалась над страницей, а затем я добавила:

Но иногда человек может соврать.

Я помнила, как написала каждую букву. Не помнила только, почему решила написать именно это.

Это моя мысль? — спросила я.

Ответ прозвучал в голове моим голосом:

Теперь — да.

Я замерла.

И тогда голос добавил — спокойно, почти доброжелательно:

Я лишь помог тебе её закончить.

Глава 1

До первого дня

До первого рабочего дня оставалось сорок семь минут, когда Рыжий лёг поперёк двери.

Он делал так каждый раз, когда кто-нибудь собирался уйти надолго. У него была собственная система раннего предупреждения: сначала он садился на коврик, потом вытягивался во весь рост и становился неожиданно тяжёлым для кота, которого обычно словно ветром сдувало с коврика при звуке открывающегося холодильника..

— Он тебя не пускает, — сказала сестра из кухни. — Значит, работа плохая.

— Или он хочет, чтобы я опоздала в первый день.

— Тогда работа всё равно плохая. Хорошая должна понимать котов.

Я переступила через Рыжего, вернулась к зеркалу и в третий раз поправила воротник. Белая рубашка казалась слишком официальной, тёмные брюки — слишком взрослыми, а новые туфли — решением человека, который никогда не ходил пешком дальше парковки.

Велосипед стоял в коридоре, зажатым между сушилкой и коробкой с кошачьим наполнителем. На нём я добралась бы быстрее, но мама ещё вечером сказала, что появляться на первой работе с красным лицом и цепью на штанине — сомнительный способ произвести впечатление.

Мама сидела за столом и делала вид, что пьёт чай. Чашка давно перестала парить. Рядом лежал сложенный вчетверо лист с адресом компании, номером отдела и телефоном отдела кадров. Всё это было у меня в телефоне, но мама доверяла бумаге больше. Бумагу нельзя случайно закрыть, разрядить или обновить до состояния, в котором она перестаёт узнавать хозяина.

— Поешь, — сказала она.

— Я поела.

— Кофе не считается.

На подоконнике сидели ещё трое. Чёрная кошка следила за голубыми, полосатая умывалась, а самая маленькая — белая, с серыми ушами — смотрела на меня так, словно ожидала отчёта.

В съёмной квартире было тесно, но удобно. Мы привыкли складывать вещи на шкафах, медленно закрывать двери и никогда не оставлять чашки у края стола. Четыре кошки превращали любое свободное место в лежанку, наблюдательный пункт или прокладывали там свой ночной маршрут.

Я взяла бутерброд, чтобы мама перестала смотреть, и положила его в сумку.

— Позвони в обед, — сказала она.

— Обязательно.

— И не соглашайся сразу на всё.

— Хорошо.

— Вот видишь. Ты уже готова согласиться, хотя даже не знаешь на что.

Сестра рассмеялась. Я тоже. Мама не улыбнулась, но поправила ремень моей сумки и наконец отпустила.

Беловодье просыпался рано. Даже в начале лета к девяти асфальт успевал нагреться, и воздух над дорогой начинал дрожать. Город был небольшим, но через него постоянно что-то проходило: грузовые поезда, фуры, автобусы к аэропорту, сезонные рабочие, туристы, документы, контейнеры и чужие планы. Если смотреть с холма, казалось, что дома выросли между дорогами случайно, потому что дорогам однажды понадобились люди.

Я спустилась к проспекту пешком. Велосипед без меня оставался в коридоре, и это почему-то успокаивало. Вечером я вернусь, переоденусь и проеду привычный круг вдоль старого канала. Даже если работа окажется ужасной, день всё равно закончится знакомой дорогой.

Автобус пришёл переполненным. Я встала у окна и держалась за поручень, стараясь не помять рубашку. За стеклом тянулись склады, небольшие сервисы, гостиницы с названиями южных городов и рекламные щиты транспортных компаний.

На одном была изображена карта страны, стянутая синими линиями к одной точке. Под картой стояло:

«Мы соединяем не нарушая границ».

Та же фраза была в письме с приглашением.

Компания называла себя региональным операционным центром. На собеседовании мне объяснили, что она не владеет большинством машин, складов и терминалов, работой которых управляет. Она соединяет их: проверяет маршруты, разрешения, окна прибытия, документы и отклонения.

Пока всё идёт нормально, её работа незаметна. Когда где-нибудь не хватает подписи или одна система перестает узнавать номер из другой, проблему видят сразу все.

Мне это понравилось. Я только окончила университет и не умела управлять ничем крупнее общего проекта, но идея работы между разными частями казалась честной. Не нужно быть самой сильной частью. Достаточно вовремя заметить, что две другие перестали понимать друг друга.

Здание стояло за торговым центром, хотя на карте выглядело так, будто примыкало к нему. Серый фасад, зеркальные окна, три одинаковых входа. Над средним не было названия — только маленькая табличка с номером корпуса.

Я прошла мимо, вернулась и увидела охранника за стеклом.

— На стажировку? — спросил он раньше, чем я показала письмо.

— По программе для выпускников.

— Третий этаж. Пропуск потом выдадут.

Он записал моё имя в журнал. Я заметила, что строкой выше уже стояла фамилия, похожая на мою. Когда наклонилась, чтобы проверить, охранник перевернул страницу.

— Лифт справа.

В лифте было шесть кнопок, хотя снаружи здание казалось четырёхэтажным. Пятая и шестая не нажимались. Я выбрала третью. Двери закрылись, и на короткую секунду погас свет.

Когда он включился, рядом со мной стояла женщина в сером костюме.

Я вздрогнула не столько от её появления, сколько от мысли, что могла не заметить её у входа. Женщина держала бумажный стакан и смотрела на цифры над дверью. У неё были светлые волосы, собранные низко на затылке, и спокойное лицо человека, который не опаздывает, даже если приходит последним.

— Первый день? — спросила она.

— Так заметно?

— Вы смотрите на кнопки.

— А куда нужно смотреть?

Она повернулась ко мне. Глаза показались тёплыми, почти янтарными, но свет снова дрогнул, и цвет стал обычным карим.

— Пока куда угодно.

Лифт остановился на втором этаже. Женщина вышла, хотя я не видела, чтобы она нажала кнопку.

— Вам же, кажется, выше, — сказала я.

— Мне везде по пути.

Двери закрылись.

На третьем этаже меня встретила Яна. Она говорила быстро, ходила ещё быстрее и успевала поправлять вещи, которые сама же задевала. Пока мы шли к отделу, она показала кухню, запасной выход, шкафчики, две переговорные.

Открытый зал оказался больше, чем можно было ожидать от здания. Ряды столов тянулись к затемнённым окнам. На стене висела карта с движущимися точками, рядом сменялись цифры очереди. Люди говорили в гарнитуры, печатали, вставали за кофе и возвращались с полными чашками.

Все выглядели занятыми обычным вторником.

Яна подвела меня к свободному столу.

— Это Дэн, — сказала она, указывая на мужчину через проход. — Если он предложит кофе, соглашайся только один раз. Иначе будет приносить каждый час.

Дэн поднял руку, услышав своё имя.

— Она преувеличивает. Каждые два.

— А это Павел. Он работает в ночной группе контроля маршрутов. Иногда они занимают наши столы после смены.

Павел оторвался от экрана.

— Только те, за которыми удобнее всего сидеть.

Последним подошёл руководитель. Он представился, но уже через минуту я поняла, что не запомнила его имени. Не от волнения. Имя словно не задержалось.

Зато я запомнила серую папку в его руках, тонкое светлое кольцо на пальце и привычку перед ответом смотреть на ближайший экран.

— Первую неделю только наблюдаете и задаёте вопросы, — сказал он. — Ошибки возможны. Скрывать ошибки нельзя. Если не понимаете, кому принадлежит задача, не присваивайте её — уточните границы.

Последняя фраза прозвучала слишком серьёзно для обычного инструктажа.

— Хорошо, — сказала я.

Мама была права: я согласилась, не спросив, что именно означает граница.

Мне выдали временный пароль, гарнитуру и блокнот с логотипом. На первой странице остался тонкий вдавленный след, будто кто-то писал на листе, прежде лежавшем сверху. Я наклонила блокнот к свету.

Можно было разобрать два слова:

«Не спеши».

— Всё нормально? — спросила Яна.

Я закрыла блокнот.

— Да. С чего начинать?

Она придвинула стул и открыла учебное обращение.

До конца дня я больше не вспоминала ни женщину в лифте, ни запись в блокноте. Для первого дня было слишком много настоящего: имена, окна, номера, правила передачи и запах кофе, который Дэн всё-таки принёс через час.

Вечером, уже у выхода, я увидела на стене схему эвакуации.

На ней второй корпус был соединён с нашим узким переходом.

Я посмотрела в окно. Между зданиями не было ничего, кроме двора и ряда молодых платанов.

На следующей схеме, у самого турникета, перехода уже не было.

Глава 2

Восстановление

В тот день я впервые перестала ждать, что сейчас что-нибудь случится.

Не потому, что окончательно освоилась. До этого было ещё далеко. Я по-прежнему держала рядом блокнот с выписанной последовательностью действий, дважды проверяла имя клиента перед отправкой письма и каждое утро шла к своему столу так, словно за ночь офис мог немного измениться.

Иногда мне казалось, что так и происходило: кулер оказывался у другой стены, между переговорными появлялась лишняя дверь, а ряд серых шкафов становился длиннее на одну секцию. Но стоило оглянуться внимательнее, и всему находилось объяснение. Кулер переставили уборщики. Дверь раньше закрывал высокий фикус. Последний шкаф просто сливался с тенью.

За первые две недели я успела привыкнуть к главному ритму этого места. Третий этаж не засыпал никогда. Днём здесь разбирали обычные запросы, вечером передавали незакрытые дела следующей смене, а ночью следили, чтобы чужие ошибки не успели превратиться в наши проблемы.

Всё выглядело просто: длинный открытый зал, одинаковые столы, гарнитуры, две стеклянные переговорные и экраны на стене. На одном медленно менялись цифры, на другом двигалась карта с маленькими светящимися точками. Никто толком не смотрел ни на карту, ни на цифры, пока один из показателей не становился жёлтым.

В первые дни я смотрела за всех.

Мне казалось, что именно этого от меня и ждут. Я следила за очередью обращений, временем ответа, выражением лица менеджера и тем, как меняется голос наставницы, когда она говорит «ничего страшного». Я старалась понять, где заканчивается помощь и начинается проверка. Даже доброжелательность казалась частью программы адаптации.

Но внимание людей не исчезло вместе с формальной необходимостью помогать.

Яна оставляла возле моей клавиатуры короткие записки: «Этот клиент пишет капсом, но не злится» или «Если система зависла, не трогай — она иногда возвращается сама». Дэн каждый раз спрашивал, не принести ли мне кофе, хотя сидел через два ряда и никакой общей задачи у нас не было. Сотрудница из соседней группы однажды остановилась только затем, чтобы сказать, что у меня красивый блокнот. Даже охранник у турникета уже на второй неделе перестал смотреть на фотографию в пропуске и открывал створку заранее.

Постепенно я перестала искать второй смысл.

Это произошло не сразу и не в какой-то особенный момент. Никто не произнёс нужных слов. Просто однажды после обеда я вернулась на этаж, села за стол и поняла, что мне здесь ничего не угрожает.

Обычно такая мысль ничего не меняет. Мы произносим её, чтобы успокоиться, но тело продолжает ждать удара.

В тот раз оно почему-то поверило.

Сначала возникло легкое тепло в груди, которое медленно растекалось по всему телу. Затем плечи расслабились и опустились, словно я наконец сняла невидимый рюкзак. Дыхание ушло ниже, туда, где его почти не слышно. Я перестала различать отдельные звуки офиса: щелчки клавиш, гул вентиляции, далёкий смех, звон чашки о столешницу. Они соединились в один ровный фон, и этот фон больше не требовал от меня ответа.

Пространство расширилось.

Я не могу объяснить точнее. Расстояние между столами осталось прежним, но люди перестали казаться препятствиями, мимо которых нужно осторожно проходить. Я видела весь зал сразу — не лица и не экраны, а спокойное движение, в котором каждому хватало места.

Яна перестала стучать ногой под столом.

Дэн снял гарнитуру и несколько секунд просто смотрел перед собой, будто услышал тишину, которой до этого не замечал. У окна кто-то рассмеялся — не громко, а свободно, и смех не оборвался, когда мимо прошёл менеджер.

Через несколько минут возле моего стола собралось четверо.

Никому ничего не было нужно. Сначала Яна спросила, какие фильмы я люблю. Потом Дэн вспомнил, что собирался показать фотографию собаки. К ним подошла девушка из финансового отдела, имени которой я ещё не знала, и почему-то рассказала, что в детстве хотела стать ветеринаром. Мы говорили тихо, почти не двигаясь, и одновременно продолжали следить за экранами.

Очередь обращений не росла.

Наоборот, цифры на стене медленно снижались. Люди отвечали клиентам без обычной поспешности, но быстрее находили нужные решения. Никто не перебивал и не отправлял запрос в чужую группу только потому, что не хотел разбираться. Даже жёлтый показатель на карте сам вернулся к зелёному.

Я подумала, что, возможно, именно так и должна выглядеть хорошо работающая система: никто не торопится, но всё происходит вовремя.

Следующее обращение пришло без звука. Я заметила его только потому, что экран передо мной стал светлее.

Клиент не мог найти документ, отправленный ему неделю назад. В истории уже стояли две отметки о повторной отправке и короткая запись: «Адрес подтверждён». Раньше я открыла бы инструкцию, потом спросила Яну, а затем ещё раз сверила каждую букву, чтобы не стать третьим человеком, который сделал то же самое.

Вместо этого я прочитала переписку с самого начала.

В одном письме адрес был написан через дефис, в другом — слитно. Система считала оба варианта одинаковыми, но существовал только один. Я исправила строку, отправила документ и через минуту получила подтверждение.

Потом пришло ещё одно обращение. И ещё одно.

Я не чувствовала, что работаю быстрее. Наоборот, между действиями появилось больше места. Я успевала прочитать, подумать и только потом нажать кнопку. Исчезли лишние вкладки, проверки уже найденного ответа и движения мыши, которые раньше создавали лишь ощущение занятости.

Спокойствие не мешал работе. Оно убирало всё, что им притворялось.

Менеджер дважды прошёл по центральному проходу. В первый раз посмотрел на нас, затем на экран с показателями и ничего не сказал. Во второй остановился возле моего стола.

— Как проходит день?

Я приготовилась перечислить закрытые обращения и объяснить, почему рядом стоят три чужие чашки. Но он ждал обычного ответа.

— Хорошо, — сказала я. — Сегодня почему-то всё проще.

Он задержал на мне взгляд, потом посмотрел на Яну, Дэна и девушку из финансового отдела.

— Бывает, — ответил он.

Мне показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

После этого я окончательно перестала ждать, что нас вернут к привычному порядку. Мы продолжали работать и разговаривать — иногда все вместе, иногда по двое. Яна показала

мне короткий способ находить старые обращения. Дэн обнаружил ошибку в общей таблице и исправил её, хотя обычно такие вещи оставлял аналитикам. Девушка из финансов подсказала решения по двум запросам, которые с утра переходили от одного сотрудника к другому.

День складывался из маленьких завершённых действий, и ни одно не требовало борьбы.

Когда я в следующий раз посмотрела на часы, было 17:38.

Сначала я решила, что неправильно прочитала цифры. Я вернулась после обеда вскоре после двух. Кофе в чашке ещё казался тёплым, разговор о собаке Дэна будто закончился несколько минут назад, а за окнами из-за тёмной плёнки ничего не изменилось.

Я проверила время на компьютере.

17:38.

В журнале стояли десятки обращений с моими инициалами. Я помнила каждое: ошибочный адрес, отсутствующую подпись, два задержанных подтверждения, клиента, который благодарил слишком долго. События не исчезли. Они просто лежали рядом, почти не разделённые временем.

— Уже почти конец смены? — спросила я.

Яна посмотрела в угол своего экрана.

— Похоже на то.

Она удивилась почти так же, как я, но через секунду улыбнулась.

— Хороший день всегда быстро проходит.

Дэн согласился. Девушка из финансов сказала, что могла бы поклясться: только что было три часа. Несколько человек вокруг тоже посмотрели на часы, словно вопрос разбудил их, но никто не увидел в этом ничего странного.

Объяснение оказалось настолько обычным, что мне стало неловко искать другое.

Потом на центральном экране появилась красная строка.

Она вспыхнула без звука. В верхнем правом углу высветился номер обращения, а рядом — время ожидания: восемнадцать минут. Наши обращения не могли ждать столько. После десяти минут система должна была передать запрос первому свободному сотруднику.

Менеджер поднял голову.

— Кто возьмёт?

Разговоры в отделе сразу прекратились.

На экране рядом с номером обращения появилось маленькое окно: «Назначено». Через секунду в нём возникли мои инициалы.

Я не нажимала кнопку.

Наверное, система выбрала меня автоматически. Я надела гарнитуру и ещё до соединения почувствовала, как пространство внутри начало сжиматься. Не исчезать — именно сжиматься, будто всё, что только что помещалось во мне без усилия, пришлось уместить в груди в пространстве размером в кулак.

— Наконец-то, — сказал мужчина вместо приветствия.

Его голос был обычным. Чуть громче необходимого, чуть резче, чем хотелось бы, но за первые недели я слышала и хуже.

— Добрый день. Меня зовут Алина...

— Я уже называл всё троим до вас. Вы вообще там работаете или просто передаёте звонки друг другу?

В руках появилось тонкое напряжение. Оно было похоже на покалывание: ещё не боль, но уже неприятно.

За соседним столом Яна выпрямилась.

Она не могла слышать клиента — гарнитура была подключена только ко мне, — но её пальцы замерли над клавиатурой. Дэн поставил чашку слишком близко к краю. У окна кто-то заговорил быстрее, и почти сразу ему ответили тем же тоном.

На стене пожелтели два показателя.

— Я вижу ваш запрос, — сказала я. — Давайте проверим, где он остановился.

— Не надо проверять. Просто исправьте.

Покалывание усилилось.

Очередь увеличилась сначала на пять, потом ещё на семь. В разных частях зала почти одновременно зазвонили линии. Голоса начали накладываться друг на друга, становились выше и торопливее.

Я смотрела на обращение, но видела только красную строку и время ожидания. Восемнадцать минут. Потом девятнадцать. Потом снова восемнадцать, хотя разговор уже начался.

Мне захотелось передать звонок менеджеру.

Вместо этого я положила ладонь на блокнот. Под пальцами чувствовались вмятина от ручки и шероховатый край страницы. Я сделала вдох и вспомнила тяжесть в плечах, широкое пространство между столами, уверенность, что мне ничего не угрожает.

Струна не исчезла. Но перестала быть единственным звуком.

Я перечитала историю обращения и увидела поле, которое до этого пропустили все трое. В нём стояли правильный адрес и неправильная страна. Система отправляла документы туда, где такого клиента не существовало.

— Мне нужна минута, — сказала я.

Мужчина хотел возразить, но почему-то замолчал.

Я исправила поле и запустила отправку. Красная строка исчезла раньше, чем пришло подтверждение.

— Готово.

— Уже?

Теперь его голос звучал тише.

— Уже.

Он поблагодарил и отключился.

Я сняла гарнитуру.

В отделе снова разговаривали. Дэн отодвинул чашку от края. Яна медленно выдохнула и опустила плечи. Жёлтые показатели один за другим вернулись к зелёному.

— Ты слышала, как он говорил? — спросила я.

— Нет. Только тебя.

Она задумалась.

— Но почему-то очень хотелось, чтобы он перестал злиться.

Менеджер стоял возле двери своего кабинета и смотрел на экран с показателями. Когда я встретила с ним глазами, он коротко кивнул, словно получил ответ на вопрос, которого не задавал.

До конца смены оставалось меньше десяти минут.

Я закрыла журнал, убрала блокнот и перекинула сумку через плечо. Люди вокруг собирались медленнее обычного. Прежняя лёгкость не вернулась, но и напряжения уже не было. От него остался слабый след — как от громкого звука, который закончился, а тело всё ещё ждёт продолжения.

Телефон завибрировал когда я уже выходила домой через турникет.

В расписании программы адаптации появилась новая задача:

«Работа под нагрузкой. Индивидуальное наблюдение».

Я решила, что менеджер добавил её уже вечером.

Потом заметила время добавления.

14:18.

В это время красной строки ещё не было. Я только вернулась после обеда, села за стол и впервые поверила, что мне здесь ничего не угрожает.

Глава 3

После смены

Дома всё снова стало обычным.

Меня встречали звуки стиральной машины, запах жареного лука и бегущие к дверям кошки.

— Молоко я уже купила сама, потому что на тебя нельзя положиться в вопросах, которые возникают после шести вечера. — услышала я голос мамы из кухни.

Я стояла в коридоре, не снимая обуви, и смотрела на часы телефона: 18:42.

От турникета до дома было сорок минут. Я помнила автобус, женщину с букетом, мальчика, который всю дорогу объяснял дедушке устройство светофора, и поворот к нашему двору.

Каждая минута дороги находилась на своем месте. В офисе несколько часов слиплись в одно мгновение, а за его пределами время снова двигалось последовательно.

— Если ты решила жить в дверях, предупреждай, — сказала сестра. — Мы поставим туда стул.

Я разулась. Рыжий немедленно лёг на тuffли, словно весь день охранял именно это место.

— Как прошло? — спросила мама.

— Хорошо.

Слово прозвучало тише, чем я ожидала. Оно означало целый день в офисе: Яну, чужие чашки, красную строку, голос клиента и задачу, назначенную раньше, чем появилась причина. Дома оно стало маленьким и незначительным.

— Просто хорошо?

— Очень много всего. Люди хорошие. Работа интересная. Я потом расскажу.

Я пошла переодеваться, но вместо комнаты оказалась на кухне. Не сразу поняла, зачем пришла. Мама поставила передо мной тарелку и подвинула хлеб.

— Ты звонила в обед, — сказала она.

— Конечно.

— И что рассказывала?

Я подняла голову.

Телефонный разговор вспоминался как факт, а не как событие. Я знала, что позвонила. В журнале вызовов стояли семь минут. Но я не могла восстановить ни одной фразы.

— Наверное, про отдел.

— Про Яну. Про кофе. Ещё сказала, что у вас тихо.

— Точно.

Мама посмотрела внимательнее.

— Ты устала?

— Наоборот.

Это и было странно. После такого полного дня я должна была хотеть тишины, но тишина уже находилась внутри. Она не давила и не просила закрыть дверь. Я слышала, как сестра смотрит видео в комнате, как вода идёт по трубам, как котенок царапает картонную коробку, и ни один звук не требовал отделиться от остальных.

За ужином мама рассказывала о хозяйке квартиры, которая снова обещала прислать мастера для окна. Сестра спорила, можно ли считать уборкой перемещение вещей с кровати на стул. Я слушала и замечала, как они постепенно начинают говорить медленнее.

Не замолкают — просто оставляют друг другу больше места.

Рыжий перестал выпрашивать еду и уснул под столом. Полосатая кошка свернулась на подоконнике. Даже стиральная машина, закончив цикл, не издала обычного победного писка.

— У нас сегодня как-то спокойно, — сказала сестра.

Мама пожала плечами.

— Жара.

Я посмотрела в открытое окно. Во двор опускался вечер, но от асфальта ещё поднималось тепло. На детской площадке кто-то катил пустую коляску, двое мужчин спорили возле машины, собака тянула хозяйку к кустам. Мир снаружи продолжал двигаться в своём темпе.

Мне захотелось проверить, что будет, если я выйду.

— Я покатаюсь, — сказала я.

— После такого рабочего дня?

— Именно поэтому.

Велосипед пришлось вытаскивать боком. Рыжий перебрался с тufель на переднее колесо, и сестра держала его, пока я спускалась по лестнице. Во дворе я переобулась, включила задний фонарь и поехала к каналу.

Беловодье вечером становилось шире. Днём машины заполняли проспект, люди шли короткими маршрутами от остановок на работу, а свет вырезал резкие границы. После заката всё смягчалось. Запах горячей пыли смешивался с запахами воды и травы. Над складами загорались белые прожекторы, по мосту медленно шёл товарный поезд.

Я крутила педали сильнее, чем нужно. Тело отвечало охотно. Покой, который в офисе разливался сам, здесь собирался в движение: вдох на три оборота, выдох на четыре, шорох шин, короткий свист цепи.

На привычном повороте я посмотрела на велокомпьютер.

Расстояние было на четыре километра больше, чем должно.

Я остановилась. Экран показывал правильное время, среднюю скорость и маршрут. Синяя линия делала петлю возле промзоны, куда я не заезжала.

Я увеличила карту.

Петля проходила вокруг серого прямоугольника без подписи. Его контур совпадал со зданием нашего офиса — вплоть до небольшого выступа со стороны двора.

Только офис находился на другом конце города.

Я выключила экран и поехала дальше. Навигация иногда ошибается рядом со складами: отражённый сигнал рисует прыжки и круги. Я читала об этом. Объяснение было нормальным.

Ненормальным было чувство, что, пока я стою у канала, кто-то в здании продолжает мой рабочий день.

Телефон завибрировал.

Яна прислала фотографию трёх кружек возле моего стола и подпись:

«Ты забыла свою. Не переживай, она согласилась переночевать у меня».

Следом пришло второе сообщение:

«Ты ведь ушла?»

Я ответила:

«Да, давно».

Яна печатала почти минуту.

«Тогда показалось».

«Что?» — написала я.

Она больше не ответила.

Дома мама уже смотрела сериал. Сестра лежала на полу среди кошек и читала что-то с телефона. Я приняла душ, достала с полки старый фантастический роман и открыла на закладке. Герой спорил с устройством мира, которое слишком охотно исполняло человеческие желания.

Через две страницы я поняла, что не читаю.

На внутренней стороне запястья осталась тонкая красная полоса от ремешка часов. Она была похожа на строку, вспыхнувшую на офисном экране.

Я провела по ней пальцем, выключила свет и легла.

В ту ночь мне приснился офис.

Люди сидели за экранами, но никто не двигался. Таймеры остановились на разных секундах.

Только красная строка на центральном экране продолжала мигать. В ней не было ни имени, ни времени ожидания — одно слово:

«Назначено».

Я проснулась раньше, чем успела увидеть, кому.

Будильник показывал, что я спала восемь часов.

По ощущениям прошло несколько минут.

Глава 4

Красная строка

Проблемного клиента звали Виктор Сергеевич, и к четвергу его знали все.

Он не был самым грубым. Не угрожал, не ругался и не требовал немедленно соединить его с генеральным директором. Он делал другое: каждый раз начинал разговор сначала и заставлял сотрудника доказывать, что предыдущие сорок минут действительно существовали.

Его груз стоял на промежуточном терминале из-за расхождения в разрешении. В одной системе номер автомобиля начинался с буквы, в другой — с цифры. Исправление занимало минуту, согласование — до суток. Виктор Сергеевич не принимал разницу между этими сроками.

— Если вы видите ошибку, почему не исправите? — спрашивал он.

— Мы исправили запись, — объясняла Яна. — Теперь её должен подтвердить владелец документа.

— Значит, вы не исправили.

После первого разговора Яна десять минут печатала сильнее обычного. После второго Дэн забыл приложить файл к письму. После третьего в отделе одновременно открыли пять обращений, не относящихся к нашей группе.

Я наблюдала и чувствовала знакомую тяжесть в груди.

Красная строка появлялась на общем экране ещё до соединения. Сначала имя, потом время ожидания, потом назначение. Дважды система отдала разговор Яне, один раз — Дэну. Мои инициалы не появлялись, но с каждым звонком Виктора Сергеевича мне становилось труднее дышать ровно.

— Я чувствую его раньше, чем начинается звонок, — сказала я за обедом.

Яна подняла брови.

— В каком смысле?

— Напряжение в груди появляется до соединения.

— Потому что мы видим имя.

— Сегодня ты сидела спиной к экрану.

Она перестала размешивать сахар. Дэн, стоявший у кофемашины, сделал вид, что не слушает.

— Может, есть какое-то фоновое уведомление, — сказала Яна.

— Строка появляется без звука.

— Значит, система умеет предупреждать заранее. Просто нам забыли об этом сказать.

Она улыбнулась, возвращая разговор в обычное русло. Я была ей благодарна.

После обеда Виктор Сергеевич позвонил снова.

Красная строка вспыхнула, когда я помогала Дэну сверять маршрут. В ту же секунду он ошибся ячейкой и заменил номер разрешения временем прибытия.

— Стой, — сказала я.

Он уже нажал «Сохранить».

На карте пожелтел узел терминала. Очередь выросла на девять обращений. Яна приняла звонок Виктора Сергеевича, и её голос сразу стал выше.

— Да, я вижу историю. Да, полностью. Нет, начинать сначала не нужно.

Я посмотрела на неё и неожиданно почувствовала его нетерпение не как звук, а как движение. Оно входило через гарнитуру тонким потоком, упиралось в Яну и расходилось по

отделу. Каждый, кого касалась волна, начинал торопиться. Ошибки создавали новые обращения, новые обращения усиливали спешку.

Это было так ясно, что я забыла спросить себя, действительно ли вижу происходящее.

— Дэн, отмени изменение, — сказала я. — Я подойду к Яне.

— Она разговаривает.

— Именно.

Я встала рядом. Яна не посмотрела на меня, но сдвинула наушник, освобождая ухо.

— Подтверждение будет до конца дня, — говорила она. — Нет, точное время назвать не могу.

Тяжесть в моей груди сжалась сильнее. Раньше я пыталась ослабить её дыханием. Теперь представила, что она не моя. Что напряжение может пройти рядом, не проникая внутрь.

На несколько секунд стало легче.

Виктор Сергеевич продолжал говорить, но его голос будто отодвинулся. Я видела Яну, её ладонь на столе, неровный край наклейки возле клавиатуры. За спиной Дэн отменял ошибочную запись. В дальнем ряду кто-то смеялся.

Я положила пальцы на спинку её кресла.

Я не просила Яну успокоиться. Только подумала:

Останься собой.

Яна выдохнула.

— Виктор Сергеевич, — сказала она обычным голосом. — Сейчас у нас два варианта. Вы можете продолжать звонить, и тогда каждый новый сотрудник будет тратить время на проверку уже проверенного. Или я сохраню обращение за собой и свяжусь с вами после подтверждения. Выбирать вам.

На линии стало тихо.

— Сохраните за собой.

— Сделано.

Звонок закончился.

Красная строка исчезла. Жёлтый узел на карте остался.

— Что ты сделала? — спросила Яна.

— Ничего.

— Тогда почему я внезапно перестала хотеть на него накричать?

Я убрала руку со спинки кресла.

— Может, он просто перестал спорить.

Яна повернулась ко мне.

— Ты ведь не веришь в это объяснение.

Я не успела ответить. Из кабинета вышел руководитель.

— Почему встала очередь?

Мы посмотрели на экран. Число обращений не менялось. Не уменьшалось и не росло. Таймеры возле всех открытых запросов застыли на разных секундах.

Люди продолжали двигаться. Дэн печатал. Кто-то наливал воду. За окном проехал грузовик.

Остановилась только система.

Руководитель подошёл к панели и приложил пропуск к считывателю. Экран мигнул.

Внизу появилась надпись:

«Нагрузка изолирована».

— Что это значит? — спросил Дэн.

— Технический режим, — слишком быстро ответил руководитель.

— У нас есть такой режим? — спросила Яна.

Он не ответил.

Таймеры снова пошли. Я посмотрела на телефон. После окончания звонка было 14:26. Теперь — 14:53. Время перескочило через двадцать семь минут.

Я помнила всё, что произошло между этими двумя отметками: вопрос руководителя, остановившиеся таймеры, его путь до панели, короткий разговор с Дэном. Но вместе эти события занимали несколько минут, не двадцать семь.

Остальные уже вернулись к работе. Никто не спросил, чем была заполнена почти половина часа.

Очередь начала снижаться.

До конца дня Виктор Сергеевич больше не звонил. Подтверждение пришло в 16:52. Яна отправила ему сообщение и получила короткое «Спасибо».

Мы могли считать ситуацию решённой.

Но вечером Дэн показал мне журнал изменений. Его ошибочная запись исчезла не как отменённая. В истории вообще не было попытки изменить номер.

— Я точно нажал «Сохранить», — сказал он.

— Я видела.

— Тогда куда делась ошибка?

Рядом стояла служебная отметка:

«Коррекция в период изоляции. Последствия не приняты».

— Может, автоматическое восстановление, — сказала я.

— У нас нет такого режима.

Он произнёс это почти теми же словами, что Яна днём.

Мы закрыли журнал. Возле выхода руководитель разговаривал по телефону.

— Да, — сказал он тихо. — Локализация сработала. Нет, она ещё не отличает своё от чужого.

Увидев нас, он отвернулся к окну.

Дэн замедлил шаг, но я потянула его к лифту.

— Не сейчас.

— Почему?

— Иногда мы не готовы услышать правду.

Я уже начинала догадываться, о чем шел разговор, и, возможно, именно поэтому не хотела слышать его вслух. В тот момент меня впервые испугал не Офис, а то, на что могла быть способна я.

Кто-то понимал происходящее.

И этот кто-то уже проверял границы того, что я могу.

Глава 5

Чёрная дыра

На следующий день красных строк не было.

Но двадцать семь минут остались. На часах они существовали. В моей памяти — нет. До этого несколько часов уже сжимались для меня в одно мгновение. Тогда я решила, что просто увлеклась работой. Теперь такого объяснения было недостаточно.

Мне нужно было понять, что именно пропадает — время вокруг меня или я сама внутри него.

Я могла бы решить, что неправильно всё запомнила.

Но с того дня я начала смотреть на часы.

Сначала просто чаще, чем раньше. Проверяла время, когда садилась за стол, открывала новое обращение или шла за кофе.

В 9:12 я взяла телефон, чтобы ответить на сообщение. Вместе с ним сестра прислала короткое видео. Когда оно закончилось, приложение показало следующее. Третье я закрыла на середине, потому что вспомнила, зачем вообще взяла телефон.

Было 9:37.

Я посмотрела первые два ролика ещё раз. Один длился двадцать семь секунд, другой — сорок две. Даже если добавить рекламу, чтение комментариев и ответ на сообщение, двадцать пять минут никак не получалось.

Но все знают, как работает лента. Человек открывает её на минуту, а выходит через час. В этом не было ничего необычного.

Я записала время в блокнот:

«9:12 — телефон. 9:35 — закрыла».

Под записью оставалось много свободного места. Я смотрела на него несколько секунд, пытаюсь вспомнить, чем можно заполнить промежуток.

Нечем.

В 9:41 подошёл Дэн. Он показал новый пропуск: на фотографии его глаза были закрыты.

— Охрана сказала, другого не будет до конца месяца.

Я рассмеялась. Он рассказал, что фотограф снимал трижды, но система почему-то сохранила именно этот кадр. Потом мы вспомнили охранника у входа и решили, что тот всё равно почти не смотрит на лица.

Разговор занял минуты две.

Когда Дэн ушёл, было 9:56.

— Мы так долго разговаривали? — спросила я.

Он обернулся.

— О чём?

Я показала на пропуск.

— А, нет. Я только подошёл.

Он посмотрел на часы и пожал плечами.

— Наверное, кофе долго делался.

Кофе у него не было.

В блокноте появилась вторая запись:

«9:41 — Дэн. 9:56 — ушёл».

В тот день я отмечала почти всё: начало обращения, конец звонка, дорогу до кухни, возвращение к столу. К вечеру страница была заполнена временем и короткими пояснениями.

Большинство промежутков выглядели нормально. Разговор на восемь минут занимал восемь минут. Кофемашина забирала три. До туалета и обратно получалось шесть, если по дороге никто не останавливал.

Пропадали только отдельные куски.

Чаще всего рядом был экран.

Иногда — человек, который говорил о чём-то важном.

Через два дня нас собрали в переговорной. В календаре стояло двадцать минут. Менеджер собирался разобрать жалобу клиента, которая утром дошла до руководителя региона.

Я вошла в 13:29 и записала время.

В 13:32 менеджер включил презентацию. На первом слайде было письмо клиента, на втором — цепочка наших ответов. Ошибка выглядела небольшой: сотрудник отправил верный документ, но не тому подразделению. Затем другой сотрудник попытался это исправить и создал вторую заявку. К концу недели клиент получил пять писем, два обещания и ни одного решения.

Менеджер говорил спокойно, однако я чувствовала, как в комнате растёт напряжение.

Яна сидела напротив и водила ногтем по краю блокнота. Дэн перестал качать ногой. Кто-то у двери прикрыл ноутбук, хотя до этого делал вид, что записывает.

Я посмотрела на часы.

13:37.

— Нам важно понять, на каком этапе мы потеряли ответственность, — сказал менеджер.

Я записала эту фразу целиком. Решила, что теперь буду отмечать время после каждого слайда.

Следующим, что я услышала, было:

— На этом всё.

Перед менеджером лежал закрытый ноутбук. Люди вставали, отодвигали стулья и избегали смотреть друг на друга.

На телефоне было 15:04.

Я осталась сидеть.

В блокноте после фразы про ответственность стояли ещё четыре слова:

«Проверить передачу между сменами».

Больше ничего.

— Мы действительно сидели здесь полтора часа? — спросила я.

Яна остановилась возле двери.

— Не думаю. Минут сорок.

— Мы начали в половине второго.

Она посмотрела на телефон.

— Значит, дольше.

Её удивление длилось меньше секунды. Потом она собрала блокнот и вышла вслед за остальными.

Я проверила календарь. Переговорная была зарезервирована до 13:50. Следующая встреча должна была начаться в 14:00, но никто не пришёл. В истории бронирования стояло:

«Завершено вовремя».

Я спросила менеджера, что мы обсуждали после второго слайда.

Он перечислил причины ошибки, новые правила передачи и распределение ответственности. Всё звучало знакомо. Я знала, что слышала эти слова, но не могла расположить их внутри прошедших полутора часов.

— Ты устала? — спросил он.

— Нет.

— Тогда не переживай. В первые месяцы информации всегда больше, чем удаётся удерживать.

На следующий день я поставила будильник на каждые десять минут.

Первый сигнал прозвучал во время звонка. Я выключила его, извинилась перед клиентом и записала время. Второй — когда Яна объясняла новое правило. Третий я не услышала, хотя телефон лежал рядом. Четвёртый разбудил меня не от сна, а от мысли, которую я уже не могла вспомнить.

К обеду блокнот превратился в ряд доказательств того, что я всё ещё нахожусь на месте.

«10:20 — здесь».

«10:30 — здесь».

«10:40 — звонок».

«11:00 — не услышала сигнал».

Я проверяла часы и сразу забывала, что делала до этого. Возвращалась к обращению, перечитывала последние строки и снова смотрела на время, чтобы не пропустить следующий провал.

Провалов становилось больше.

Во время одного звонка я дважды задала клиенту один и тот же вопрос. В письме оставила пустой строку, ради которой открыла шаблон. Отправила Яне номер обращения без пояснения и через минуту спросила, почему она его не посмотрела.

В отделе тоже что-то изменилось.

Дэн начал торопиться, хотя очередь оставалась небольшой. Девушка из финансов трижды прошла мимо нашего ряда с одной и той же папкой. Яна перестала оставлять записки и отвечала короче обычного. Даже менеджер несколько раз выходил из кабинета, смотрел на экран с показателями и возвращался, ничего не сказав.

Все показатели на стене оставались зелёными. Люди вели себя так, словно всё уже стало жёлтым.

После обеда Яна молча выключила очередной сигнал на моём телефоне.

— Эй.

— Ты всё равно его не слышала.

— Я слышала предыдущий.

— Предыдущий был две минуты назад.

Я посмотрела на часы. Она была права.

— Ты сегодня всё время проверяешь, здесь ли ты, — сказала Яна. — И из-за этого тебя как будто нет.

Мне не понравилась эта фраза.

Наверное, потому что она оказалась точнее моих записей.

Я выключила все сигналы, убрала телефон в нижний ящик и закрыла его на маленький ключ, которым раньше не пользовалась. Блокнот оставила, но перевернула страницу.

Наверху написала:

«Одно действие».

Первым действием было закончить письмо.

Я положила рядом металлическую скрепку и каждый раз, когда хотелось проверить часы, касалась её пальцем. Холодный металл напоминал: письмо ещё не отправлено, значит, никакого другого вопроса сейчас нет.

Я дочитала текст. Заполнила пустую строку. Проверила адрес один раз и нажала «Отправить».

Потом перевернула скрепку.

Следующим был звонок.

Клиент говорил медленно и часто возвращался к началу. Обычно я стала бы угадывать, к чему он ведёт, одновременно искать заявку и готовить ответ. Теперь слушала каждую фразу до конца. Выбрала одно слово — «подтверждение» — и удерживала его, пока не поняла, какого документа не хватает.

Разговор длился четырнадцать минут.

Я знала это не потому, что посмотрела на часы. У разговора были начало, середина и конец. В нём поместились пауза клиента, звук открываемого письма, номер документа, который он продиктовал дважды, и короткое молчание после того, как всё получилось.

Когда я закончила, прошло ровно четырнадцать минут.

Впервые за несколько дней время совпало само с собой.

Я продолжила.

Одно обращение. Одно письмо. Один вопрос.

Если рядом кто-то начинал говорить, я поворачивалась к нему и не возвращалась к экрану, пока разговор не заканчивался. Если открывала документ, закрывала остальные окна. Скрепка постепенно нагрелась в руке.

День стал длиннее.

Не тяжелее и не медленнее. Просто у него снова появились части. Я помнила, что было до обеда, сколько времени мы ждали ответа от другого отдела, о чём Яна спросила возле кухни. К половине шестого я устала, но это была обычная усталость человека, который прожил целую смену, а не обнаружил её конец.

— Лучше? — спросила Яна.

— Здесь, — ответила я.

Она улыбнулась.

Вечером я открыла ящик и достала телефон. Заряд почти не изменился. Уведомлений было мало. Я уже собиралась убрать его в сумку, когда увидела еженедельный отчёт об экранном времени.

Приложение с короткими видео работало сорок три минуты.

Я открыла подробности.

Активность началась в 13:41 и закончилась в 14:24 — во время того самого совещания, которое растянулось на полтора часа. Телефон тогда лежал у меня в кармане. Экран был выключен. Я хорошо помнила это, потому что в переговорной несколько раз нащупывала его сквозь ткань, чтобы не посмотреть на часы.

В отчёте стояло:

«Экран активен».

Я решила, что приложение ошиблось. Возможно, видео продолжало работать в фоне. Возможно, телефон разблокировался от движения. Возможно, сорок три минуты относились к другому дню.

Объяснений было достаточно.

Необъяснимым оставалось время.

Приложение включилось через четыре минуты после того, как менеджер произнёс: «Нам важно понять, на каком этапе мы потеряли ответственность».

И продолжало работать до 14:24 — ещё тридцать четыре минуты после того, как, согласно истории бронирования, встреча завершилась вовремя.

Получалось, у пропавшего времени была собственная история.

Просто меня в ней не было.

Глава 6

Бумажные часы

В следующую пятницу я принесла в офис бумажные часы.

Так назвала их сестра, увидев на кухонном столе распечатанную сетку с получасовыми интервалами.

— Это расписание, — сказала я.

— Расписание показывает, что будет. А у тебя место для того, что уже было.

— Значит, журнал.

— Значит, бумажные часы.

Название оказалось точнее.

После истории с пропавшим временем я перестала доверять часам, которые показывали устройства. Телефон утверждал, что во время совещания экран работал сорок три минуты. Система бронирования сообщала, что встреча закончилась вовремя. Люди помнили разговор, который я не могла разложить на последовательность.

Бумага хотя бы не собиралась объяснять меня самой себе.

Каждые полчаса я собиралась записывать одно действие и одно ощущение. Никаких подробных отчётов. Только короткая отметка, которая должна была доказать, что предыдущие тридцать минут имели границы.

В 8:30 я написала:

«Обучение. Спокойно».

В 9:00:

«Два письма. Холодно от вентиляции».

В 9:30:

«Яна спорит с Дэном. Хочу кофе».

— Я не спорю, — сказала Яна, заглянув в лист. — Я объясняю ему, почему он неправ.

— Не читай мои часы.

— Тогда не клади время на общий стол.

Дэн принёс кофе ровно в 9:37. Я записала и это. Он посмотрел на сетку, но вопросов не задал.

— У тебя сегодня эксперимент? — спросил Павел.

После ночной смены он остался на дополнительное обучение и выглядел так, будто не спал неделю по принципиальным соображениям.

— Проверяю память.

— Память проверяют восстановлением события, а не фиксацией текущего.

— Спасибо.

— Это не критика. Просто твой метод измеряет дисциплину записей.

— Тогда проверяю дисциплину.

Он кивнул, удовлетворённый точностью формулировки.

День был нарочно обычным. Ни красных строк, ни остановившихся таймеров, ни сообщений, появившихся раньше событий. Очередь колебалась в зелёной зоне. Руководитель дважды выходил из кабинета: один раз попросил Дэна убрать кружку от документов, а второй раз забыл, зачем вышел.

Мы разбирали задержки на южном маршруте. Из-за ремонта дороги машины прибывали к терминалу позже назначенных окон, а система продолжала считать каждое опоздание отдель-

ным нарушением. Нужно было связать три группы, получить подтверждение нового маршрута и не пообещать клиентам время, которое зависело не от нас.

Работа состояла не из движения грузов, а из доказательства, что движение всё ещё возможно.

Яна разговаривала с терминалом. Дэн собирал новые интервалы. Павел нашёл старое письмо дорожной службы, в котором ремонт упоминался за две недели до официального уведомления.

— Почему его никто не обработал? — спросила я.

— Потому что тема письма была «Информация», — ответил Павел. — Информация не требует действия. По крайней мере, пока не становится проблемой.

— А ты почему сохранил?

— Всё становится проблемой, если хранить достаточно долго.

Яна закрыла микрофон ладонью.

— Не слушай его. Он архивирует даже меню кафе.

— В прошлом месяце они убрали бизнес-ланч без предупреждения.

— И ты до сих пор переживаешь.

— Я фиксирую изменение условий.

Я рассмеялась и записала в 11:30:

«Павел защищает право человека знать о супе».

В полдень сетка оставалась заполненной. Каждая запись возвращала мне не только действие, но и расстояние до него. Утро больше не лежало рядом с настоящим. Оно уходило назад, как должно.

За обедом мы впервые говорили не о работе. Яна жила одна и каждое воскресенье ездила к отцу чинить вещи, которые он специально не ремонтировал до её приезда. Павел снимал комнату недалеко от вокзала и мог по звуку определить тип проходящего поезда. Дэн показал фотографию собаки. Оказалось, что собака не его, а соседская, но каждый день ждала его у подъезда.

— Значит, ты обманул меня в первый день, — сказала я.

— Я сказал, что покажу фотографию собаки. Не уточнял юридические отношения.

Его телефон завибрировал. На экране на секунду появилась фотография двух детей в одинаковых панاماх. Дэн перевернул телефон, не отвечая.

— Всё нормально? — спросила Яна.

— Да. Потом перезвоню.

Он сказал это легко, но на лице осталось короткое движение — не вина, скорее напоминание о другой жизни, которая продолжалась за пределами офиса.

Я не спросила.

В 15:00 я наклонилась над сеткой, собираясь записать, что маршрут закрыт.

Когда ручка остановилась, в поле стояло:

«Позвонить маме».

Почерк был мой.

Я помнила движение руки и чувствовала, как кончик ручки прошёл по бумаге. Не помнила только, чтобы решила написать именно эти слова.

На телефоне не было пропущенных вызовов.

— Ты видела, как я это писала? — спросила я.

Яна посмотрела на лист.

— Видела, что ты что-то записываешь.

— Я собиралась написать про маршрут.

Павел придвинул сетку к себе, не касаясь текста.

— Давление ручки такое же, как у остальных записей. Чернила не отличаются.

— Это одна ручка и одна бумага, — сказала Яна. — Не место преступления.

— Пока нет.

Я позвонила маме.

Она ответила сразу и шёпотом сообщила, что находится в поликлинике. Ничего страшного: утром у неё закружилась голова, и соседка настояла на проверке. Анализы были нормальными, она уже собиралась домой и не хотела отвлекать меня.

— Ты откуда узнала? — спросила она.

— Просто решила позвонить.

После разговора я долго смотрела на запись. Она не исчезла и не изменилась. Обычная синяя паста, мой наклон букв, небрежный последний «ь».

— Хорошо, что позвонила, — сказал Дэн.

— А если следующая запись попросит сделать что-нибудь плохое?

— Это всё ещё твоя рука.

— Именно.

Павел перевернул лист.

— До конца дня записывай только факты после события. Никаких планов и выводов.

— Почему?

— Чтобы не создавать для себя инструкции, источник которых нельзя проверить.

Так мы и сделали.

В 15:30 я записала:

«Мама дома. Я испугалась».

В 16:00:

«Маршрут подтверждён».

В 16:30:

«Дэн разговаривает с детьми в коридоре».

В 17:00:

«Яна увидела, что я наблюдаю за Дэном».

Последнюю строку она приписала сама.

В 17:30 я добавила:

«Очередь пустая».

В 18:00:

«Смена закончилась».

Ни одного промежутка не пропало.

Я сложила бумажные часы и убрала их в блокнот.

— Эксперимент успешный? — спросила Яна.

— Не знаю. Время осталось. Зато появилась запись из будущего.

— Значит, обычный пятничный результат.

Мы вышли вместе. На улице было ещё светло. Дэн остановился у парковки, где его ждала женщина в машине. На заднем сиденье подпрыгивали двое детей. Он махнул нам, сел рядом с женщиной и наклонился, чтобы поцеловать её.

Жест был простым и привычным.

Почему-то я почувствовала облегчение: ещё одна часть его жизни получила простое объяснение.

Дома я снова развернула лист.

Под отметкой «18:00» появилась новая клетка, которой не было в распечатанной сетке.

В ней стояло время:

«17:61».

Рядом — одно слово:

«Перезагрузка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.